

ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ ФЕЛИКСА КРИВИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 90-Х ГОДОВ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (40) 2018

УДК 821.161.1.09 (477.87)

Бородіна Л.П. Своєрідність сатири Фелікса Кривіна у творах 90-х років; 9 стор.; кількість бібліографічних джерел – 10; мова – російська.

Анотація. У статті розглядаються збірки Ф. Кривіна „Хвост павлина”, „Тюрьма имени Свободы”, „Завтрашние сказки», «Я угнал машину времени», „Плач по царю Ироду”, „Брызги шампанского» та інші, написані у 90-ті р. ХХ ст., коли його гумор набуває рис гострої іронії, нищівної сатири, гротеску, сарказму. Розглянуто жанри мініатюр, літературних казок, притч, „історій”, анекдотів, афоризмів, плачів у інтерпретації письменника. Відзначено, що в 90-ті р. загострюється відверта публіцистичність та соціальна викривальність творів, вони спираються на художні прийоми абсурду, парадоксу, алогізму, майстерної іронії, письменник продовжує творити викривальні неологізми, хіазми, модифіковані есе, переробляти приказки та прислів'я, грайливо розкодує офіційні штампи мовлення радянських мас-медіа та політичні штампи радянської поезії. Письменник у творах цього періоду по-новому використовує прийоми фантастики, а саме – гру з простором і часом.

Ключові слова: Фелікс Кривін, сатира, сарказм, іронія, абсурд, афоризми, інтертекст, байки, традиції, дистрофіки, гуманізм, філософічність

Смех – стихия Фелікса Кривіна (1928 – 2016), а важнейший інструмент дослідження мира – юмор. «Фейерверк юмора напоминает павлиний хвост. Человек острит, вызывая восхищение окружающих. Когда этим хвостом начинают хлестать налево и направо, юмор становится сатирой...» (сб. «Хвост павлина»). Представление о Кривіне как о сатирике сложилось много лет назад. Этому способствовало его ироническое восприятие действительности, его чувство юмора и мощный интеллект, который даже в самых малых литературных формах создавал второй план, тот неуловимый подтекст, который распознавал даже неискушённый читатель. В разных его книгах, особенно в «Хвосте павлина», Кривин создаёт миниатюры, в которых в образной форме воплощает художественное содержание категорий комического. Это его миниатюры о смехе («Смех над ослом», «Уравнение смехом», «Пережиток хвоста», «Борьба противоположностей»), о юморе («Великий обманщик», «Юмор чувства», «Зачем нужен юмор»), о жанрах комического – анекдоте и басне («Маленькая печаль», «Первые басни», «Басня Шекспира»), о великих сатириках прошлого («Век Гоголя», «А Свифт сокрушался», «Два ума», «Сто Мольеров»), о сатире («Чувство сатиры», «Сатира на десерт», «У истоков сатиры») и т.п.

В самом конце восьмидесятых он стал составителем и автором предисловия «Доля шутки – доля правды» в книге «Мелочи жизни» («Русская сатира и юмор второй половины XIX – начала XX

в.»), где продолжил своё исследование теории и истории сатиры в России. Невозможно перечислить все блестящие парадоксальные характеристики, которые Ф. Кривин даёт писателям! Надо ли говорить, что в примечаниях к книге он обращается к самым своим любимым авторам, среди которых первым был М.Е. Салтыков-Щедрин, давший сборнику название, и не случайно же Кривин начал примечание к этому имени с цитаты цензора о сказках Щедрина: «То, что Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему назначению, его сказки – та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства... Сказки эти, появляясь по временам в периодических изданиях, постоянно возбуждают в наблюдающей за прессой власти сомнение в том, не следует ли их воспретить» [8, с.402]. К этой цитате нам не раз ещё придётся мысленно возвращаться, помня о том, что сказка была для Кривіна излюбленным жанром, в котором он стал виртуозом, всякий раз создавая новую жанровую модификацию. Второй сборник рассказов, составленный Ф. Кривіным, назывался «Юмор серьёзных писателей», в предисловии к которому он рассуждал о том, что такое переносный смысл, о добродушном и чёрном юморе, о юморе понимания, грустном, добром, злом, о способности юмора перевоплощаться, уметь, становиться из глупого умным [9, с.8-18]. Все свои наблюдения и выводы о комическом Ф. Кривин реализует в творчестве 90-х годов, осмысливая стремительно меняющуюся действительность.

Нужны ли ещё доказательства того, что Кривин - сатирик? Но вот в «Последнем интервью Феликса Кривина перед отъездом из Украины», опубликованном в газете «Зеркало недели», № 49 в 2001 году, он на вопрос журналиста отвечает:

- Вы больше сатирик или юморист?

- Никогда не был сатириком. Но я и не юморист.

- А кто же Вы?

- Просто мыслящий человек, который пишет.

В этом же интервью он выделил те дефиниции юмора, которые неоднократно подчёркивал в своих примечаниях, предисловиях и наблюдениях над юмором: «Юмор вообще невесёлая вещь. Это защитное свойство разума. Оно возникает, когда жизнь складывается неудачно. Если считать, что юмор – весёлая вещь, тогда он будет соперничать со щекоткой, дурацкой хохмой, клоунадой. А настоящий юмор, глубокий, всегда грустный».

Вот почему, в нашем небольшом исследовании, мы считаем необходимым перечитать и проанализировать произведения Кривина 90-х годов с тем, чтобы увидеть, какие новые черты приобрело его творчество после наступления гласности, развала Союза и образования новой государственности на постсоветском пространстве, т.е. когда стали формироваться новые исторические реалии, отразившиеся на представлениях о нравственности, на отношениях в социуме, в экономике и политике.

В книгах начала 90-х годов отчётливо прослеживаются темы, определившиеся в предыдущее десятилетие: философские рассуждения о времени и вечности, об ответственности человека перед современностью и историей. О тенях прошлого в настоящем. О свободе и несвободе. О способности к самопожертвованию и равнодушию. О чертах будущего, которые проглядывают в сегодняшнем дне. В книгах «Завтрашние сказки», «Я угнал машину времени» (1992) писатель отдаёт предпочтение фантастике, позволяющей свободно расширять пространство и время повествования.

В первой половине 90-х годов вышли ещё три книги, связанные между собой общей проблематикой и стилиевой манерой: «Всемирная история в анекдотах» (1993), «Плач по царю Ироду» (1994), «Тюрьма имени Свободы» (1995). Образно их содержание можно было бы определить как новейший политический ликбез, или уроки современной демократии. В «Завтрашних сказках» свой политический манифест нового времени он выразил как «Могу молчать»: «Когда мне говорят, что нам нужна не та демократия, я понимаю, что никакая демократия нам не нужна». И далее: «Гласность наша в бою, но не на коне. А в тачанке. Она

несётся вперёд, а стреляет назад. По задним целям. По прошлым. По пройденным.

Напрасно я так о тачанке – она наше славное прошлое.

И напрасно я так о гласности – она наше славное настоящее.

Напрасно я так, напрасно...

Ладно, **могу молчать**». («Завтрашние сказки», с.51) Аллюзии с классикой всегда были характерной чертой стиля Кривина, но в этом случае можно утверждать, что именно в 90-х в творчество Кривина в качестве важнейшего сатирического приёма войдёт интертекст, который мгновенно станет узнаваемым, разящим сатирические цели, блестящим остроумным.

Книга «Завтрашние сказки» состоит из четырёх разделов. Первый – «Вчерашние сказки», два других – «Сегодняшние сказки». И только четвёртый раздел называется «Завтрашние сказки». Цитата, приведённая выше – из «сегодняшних сказок», и её главная особенность не только в яркой образности, в обыгрывании писателем давно отживших своё штампов, но и в том, что актуальность сказанного не потеряла своего значения и в нынешнее время, то есть почти тридцать лет спустя. В «Завтрашних сказках» Кривин много шутит, переиначивая словесные штампы, придавая им новый смысл. Так появилась «Энциклопудия», словарь которой толкуется в духе современности, и это смешно...и в то же время грустно: «ТОТЭЛИТАРНЫЙ РЕЖИМ – тот элитарный режим, при котором по-человечески живёт элита, а все остальные живут не по-человечески» [2, с. 102]. В этой книге появилась «Уточнённая классика» как новый жанр, и следующие книги тоже будут иметь такое же дополнение, поскольку афоризмы, преобразённые контекстом, приобретают не только новый смысл, но и формируют новую образность: «Клячу истории загоним... а на вырученные деньги купим себе новую историю. У т о ч н ё н н ы й М а я к о в с к и й » Или: «Мы шагаем шагом победным – и всё время по бедным, по бедным! В е л и к и й и н е и з в е с т н ы й п о э т » [2, с.106]. Насколько важны эти афоризмы для Кривина, мы можем догадаться, обнаружив их включёнными в композицию книги «Тюрьма имени Свободы», где новый контекст придаёт им новые оттенки смысла.

В 90-е отчётливо просматривающейся чертой стиля Ф.Кривина стала публицистичность. Так, книга «Плач по царю Ироду» начинается с главы «Смешные стороны печали» (вместо предисловия), где он пишет: «Вы, наверно, будете смеяться, но шутить над тем, что живёшь плохо, иногда важнее, чем жить хорошо. Я ненавижу антисемитизм. Я ненавижу шовинизм. Я ненавижу национализм, определяющий достоинства человека по крови. Пото-

му что в этом случае кровь рано или поздно прольётся – иначе не определишь её достоинства. Хорошо сказал Юлиан Тувим: людей объединяет не кровь, текущая в жилах, а кровь, которая течёт из жил. Он это сказал о евреях, но это касается всех людей. Объединяться по крови, которая спокойно течёт в жилах, преступление» [4, с.4].

Ф. Кривин по-прежнему тяготел к философским обобщениям, но в 90-х они в большей мере приобрели историко-политический характер. Он верен прежним своим персонажам, таким, например, как Пифагор, Архимед и Коперник, но теперь их сопровождают Фифагор, Архивед и Пуперник («Процент рая в жизни ада» и «Как избавиться от земного шара») [5, с.24 – 25]. Образные, «говорящие» заглавия в сочетании с абсурдом, – вот ещё один характерный приём Кривина-сатирика. В новом историко-сатирическом контексте рядом стоят имена Ивана Грозного, Сталина и Ленина, Врангеля и Махно, Ежова и Берии, а демократия прибавила себе новое приложение и стала, по выражению Кривина, «Чингиз-демократией», поскольку по-монгольски «чингиз» означает «великое» [5, с.8]. И сквозь призму татаро-монгольского ига всё, что получило определение «Великое», впитало в себя не только мощь, но и дикость, и страшное насилие, и огромную разрушающую силу.

Книга «Тюрьма имени Свободы» (1995) состоит из четырёх частей: «Граждане большой дороги, или в борьбе за худшую жизнь», «Тюрьма имени Свободы, или ностальгия по холере», «Стульчик для народа, или пророк в рублёвом пространстве», «Четыре действия любви, или эволюция продолжается». Ещё тогда, в середине 90-х он написал, несомненно, бессмертную миниатюру «Власть и оппозиция»: «Пришли бандиты к власти, а разбойники ушли в оппозицию. То есть стали следить со стороны, что бандиты делают неправильно, и критиковать их за неправильные действия» [5, с.11]. Парадокс, алогизм, тончайшая ирония, логика абсурда власти, чуждой народу, – вот основные приемы, которые вскрывают несоответствие формы и содержания, слова и действия, что и порождает разящий смех с привкусом горечи, который с годами не только не теряет своего значения, но и приобретает особую остроту. В этой же книге нельзя не обратить внимания на такую миниатюру, как «Граждане большой дороги». В это заглавие, как мина замедленного действия, заложена аллюзия (вспомним фразеологизм «бандит с большой дороги»): «...мы с большой дороги, мы спешим в светлое будущее...». И далее: «И вдруг выясняется, что указатели повёрнуты не туда. Их уже давно отвернули от светлого будущего, но до прошлого недовернули, и теперь мы не зна-

ем, куда идти... И тогда всё громче начинают звучать голоса, требующие отставки регулировщиков... Но регулировщики не уходят. Куда им с такой дороги уходить? Кто им где безропотно отдаст кошелек, снимет пиджак и ляжет по команде «ложись!» в сырую, плохо заасфальтированную землю?» [5, с.18]. Переосмысление прежних словесных штампов, публицистичность, оформленная стилистически, сочетание сарказма и грусти, – вот основные свойства такой сатирической миниатюры. Развитие сатирического образа происходит не сразу, он выходит за пределы сюжетного ряда, и только в конце книги раскроется смысл названия книги, и её внутренний символический смысл: «ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ВЫЖИВАЮЩЕГО. Сэр! Зрея и мужая год от года, наконец-то вырвались и мы из тюрьмы по имени Свобода на свободу имени Тюрьмы» [5, с.156]. Этот завершающий образ, построенный на перекрестном сочетании слов (хиазм), убеждает читателя в том, что от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Парадоксальное и гротескное обобщение связывает сатирические миниатюры общим смыслом и окрашивает их горькой иронией.

Важнейший приём комического у Кривина – это ирония и самоирония, рационально-скептический взгляд на вещи, политику, историю и человека в сочетании с лирическим отношением к нему. Сатирическую миниатюру в прозе сменяют миниатюры лирико-философские, и, таким образом, происходит и смена ритма. Кривин по-прежнему любит афоризмы и игру со словом. Используя жанр притчи и модифицированного эссе, переосмысливая народные пословицы и поговорки, «слова, выкинутые из песен» и извлечённые из советского «поэтического» контекста, переосмысливая советский лексикон, историю и законы, Кривин-сатирик ставит вопросы о власти, народе, свободе, эволюции и революции, и пародирует современные проекты. «Брызги действительности» на самом деле появились задолго до одноименной книги, войдя в четвертую часть «Тюрьмы имени Свободы»: «Мы всё время опаздываем к нашему светлому будущему. Оно нас ждёт и ждёт, и темнеет и мрачнеет в ожидании, и пока мы до него доберёмся, оно уже такое беспросветное, такое страшное – хоть святых выноси» [5, с.149]. Реагируя всякий раз по-новому на современность 90-х, Кривин создавал новые художественные образы и формы осмысления происходящих событий.

Сборник стихотворений из двух строф, названный автором «Дистрофики», вышел в 1996 году. Характерная для Кривина самоирония объединила лаконичные стихи – сатирические, иронические, лирические, от басни до лирического стихотворения – о юных, счастли-

вых, просвещённых, о жизни и смерти, о государстве, о времени, о свободе слова, о поэтах, и стала для писателя той современной формой, которая позволяла поставить вопрос и ответить на него чаще всего афористически. Он часто использует скрытую цитату, к примеру, из басни Крылова, но то, что у Крылова служило зачином, составило у Феликса Кривина часть афористического резюме: «Лев одряхлел. И всякий мелкий сброд /Ему грубит и правдую матку рубит./Как ошибался он на этот счёт!/Ведь думал он – его и вправду любят. // Любили силу. Слабость не простят./Как поздно эту истину открыл он:/ У сильного всегда бессильный виноват,/А у бессильных – потерявший силу» [6, с.39]. Такое сочетание традиции и современного содержания – одно из достоинств кривинской сатиры.

В завершение исследования следует сказать, что только с наступлением гласности, в условиях новых исторических реалий сатира Ф. Кривина обрела ту выразительность, силу и образность, которая созревала в недрах творчества писателя-юмориста, философа, энциклопедиста. В его произведениях появились истинные цели, которые дают возможность сопоставлять его творчество с произведениями великих предшественников, разивших своей сатирой общественное и политическое устройство. В творчество Кривина пришла едкая сатира, сарказм, гротеск, абсурд и фантастика в сочетании с открытой публицистичностью. Будучи философом-гуманистом, он умел ненавидеть и с помощью смеха убивал то, что разрушает человека, отнимает у него радость жизни и творчества.

Литература

1. Кривин Ф.. Хвост павлина: Сказки, рассказы, повести/Худож. А.Ю.Гойда. – Ужгород: Карпаты, 1988.
2. Кривин Ф.. Завтрашние сказки / Худож. А.Ю. Гойда. – Ужгород, 1992.
3. Кривин Ф. Всемирная история в анекдотах / Худож. М. Мильмейстер. – Ужгород: Бокор, 1993.
4. Кривин Ф. Плач по царю Ироду: Юмор не от хорошей жизни:[Рассказы] / Худож. М.Мильмейстер. – Ужгород: Карпаты, 1994.
5. Кривин Ф. Тюрьма имени Свободы/ Худож. М.Мильмейстер. – Ужгород: РЕК: Патент, 1995.
6. Кривин Ф. Дистрофики: [Кн. двустроф. стихотворений] / Худож. В.Сливка. – Ужгород: Патент, 1996.
7. Кривин Феликс. Жизнь с препятствиями: Рассказы. Сказки. Стихи. [Сервиз на одну персону: 1990-е]. – Екатеринбург: У – Фактория, 2002.
8. Кривин Ф. Доля шутки – доля правды. Вступительная статья и примечания в кн.: Мелочи жизни. Русская сатира и юмор второй половины XIX- начала XX в. – М.: Художественная литература, 1988.
9. Юмор серьёзных писателей/Ф.Кривин. Вступительная статья к кн.: Юмор серьёзных писателей. – М.: Художественная литература, 1990.
10. Последнее интервью Феликса Кривина перед отъездом из Украины//Зеркало недели.-№49.-14 декабря 2001 года.

Людмила БОРОДИНА

ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ Ф.КРИВИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 90-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье исследованы сборники Ф. Кривина „Хвост павлина”, „Тюрьма имени Свободы”, «Завтрашние сказки», «Я угнал машину времени», „Плач по царю Ироду”, „Брызги шампанского» и другие, написанные в 90-е гг. XX в., когда его юмор приобретает черты острой иронии, беспощадной сатиры, гротеска, сарказма. Рассмотрены жанры миниатюр, литературных сказок, притч, „историй”, анекдотов, афоризмов, плачей в интерпретации писателя. Отмечено, что в 90-е г. обостряется откровенная публицистичность и социальная обличительность произведений, они опираются на художественные приёмы абсурда, парадокса, алогизма, мастерской иронии, писатель продолжает творить обличительные неологизмы, хиазмы, модифицированные эссе, переделывать пословицы и поговорки, в игровой форме декодирует официальные штампы речи советских масс-медиа и политические штампы советской поэзии. Писатель в произведениях данного периода по-новому использует приёмы фантастики, а именно – игру с пространством и временем.

Ключевые слова: Феликс Кривин, сатира, сарказм, ирония, абсурд, афоризмы, интертекст, басни, традиции, дистрофики, гуманизм, философичность.

Lyudmila BORODINA

FEATURES OF SATIRE OF F. KRIVIN IN THE WORKS OF THE 90s

Annotation. The article investigated the collections of F. Krivin “The Peacock’s Tail”, “Prison named Liberty”, “Tomorrow’s Tales of Tomorrow”, “I hijacked a time machine”, “Crying over King Herod”, “Champagne splashes” and others written in the 90s, when his humor acquires the features of sharp irony, merciless satire, grotesque, sarcasm. The genres of miniatures, literary tales, parables, "stories", anecdotes, aphorisms in

the interpretation of the writer are considered. It is noted that in the 1990s they rely on artistic methods of absurdity, paradox, allogism, irony workshop, the writer continues to create accusatory neologisms, chiasms, modified essays, remake proverbs and sayings, in a game form decodes official cliches of the speech of the Soviet mass media and political cliches of Soviet poetry. The writer in the works of this period in a new way uses the techniques of fiction, namely - the game with space and time.

Key words: Felix Krivin, satire, sarcasm, irony, absurdity, aphorisms, intertext, fables, traditions, «dystrophics», humanism, philosophy.

Стаття надійшла до редакції 16 листопада 2018 р.

© Бородіна Л.П., 2018

Бородіна Людмила Павлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології та світової літератури філологічного факультету УжНУ.